Тибето-монгольский буддизм: новые траектории в XX–XXI вв.

Буддизм в эпоху модерна: предисловие

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-7-12

Этот выпуск посвящен теме столкновения и взаимодействия традиционных буддийских общин Внутренней Азии с совокупностью явлений и процессов, которое в научной литературе принято называть очень общим и размытым термином *modernity*, или эпоха модерна. В общих чертах это явление берет свои корни в европейской истории XVI–XVIII веков и тесно связано с идеями и ценностями Реформации, Просвещения и научной революции, которые вместе с колониальной экспансией европейских держав в какой-то момент стали вторгаться в жизнь неевропейских обществ, в том числе и так называемых традиционных буддийских обществ Азии. Еще более решительным и даже катастрофичным стало воздействие на буддийские общества Внутренней Азии марксистской идеологии и модернизационных проектов социалистических режимов XX века. Мы собрали в этом номере работы, в которых специалисты в области истории, социологии и антропологии буддизма анализируют, каковы были сценарии, формы и результаты этих взаимодействий и как они отражались на участниках описываемого процесса.

Речь в номере пойдет об относительно небольшой по численности, но охватывающей широкие географические пространства тибето-монгольской традиции буддизма. К XVII–XVIII векам она распространилась на огромном пространстве Евразии от южных предгорий Гималаев до калмыцкой степи, но главные ее политические центры традиционно находились в Тибете и Монголии. Нужно сказать, что волна постколониальных исследований 1970–90-х гг., в которую были главным образом вовлечены специалисты, занимающиеся буддийскими обществами южной и юго-восточной Азии[1], в меньшей степени коснулась этой региональной

1. Работ, посвященных вопросам трансформации традиционного буддизма Тхеравады в колониальную и постколониальную эпоху, много, а потому приводим лишь

ветви буддизма. Частичным объяснением этому может служить значительная закрытость этих обществ и недоступность информации о процессах, происходивших в них на протяжении большей части XX века, широкому кругу международных исследователей. После падения теократического режима в Тибете в 1959 году на Запад хлынул поток беженцев из Тибета, в числе которых было много ученых монахов и духовных практиков, что с начала 1960-х гг. привело к бурному развитию в Западной Европе и США исследований в области буддийской философии и текстологии. И лишь в последние десятилетия и главным образом в США был опубликован ряд работ, в которых основной исследовательский фокус направлен как на рецепцию идей и практик западного модерна в тибето-монгольских буддийских обществах, так и на обратное воздействие этих обществ на западную массовую культуру[2].

несколько наиболее показательных: *Агаджанян А.С.* Буддийский путь в XX веке. Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М.: Наука, 1993; Bond, G.D. (1988) *The Buddhist Revival in Sri Lanka: Religious Tradition, Reinterpretation and Response*. Chapel Hill: University of North Carolina Press; Gombrich, R. (1988) *Theravada Buddhism: A Social History from Ancient Benares to Modern Colombo*. London: Routledge and Kegan Paul; Obeyesekere, G. (1976) "Personal Identity and Cultural Crisis: The Case of Anagarika Dharmapala of Sri Lanka", in *The Biographical Process: Studies in the History and Psychology of Religion,* ed. Frank Reynolds and Donald Capps, pp. 221–52. Paris: Mouton; Tambiah, S.J. (1992) Buddhism Betrayed?: Religion, Politics, and Violence in Sri Lanka. Chicago: University of Chicago Press; Swearer, D.K. (1997) "The Hermeneutics of Buddhist Ecology in Contemporary Thailand: Buddhadasa and Dhammapitaka", in *Buddhism and Ecology: The Interconnection of Dharma and Deeds*, ed. Mary Evelyn Tucker and Duncan Ryūkan Williams, pp. 21–44. Cambridge, Mass.: Harvard University Center for the Study of World Religions; Lopez, D.S., Jr. (ed.) (1995) *Curators of the Buddha: The Study of Buddhism under Colonialism*. Chicago: Chicago University Press. Среди работ, предлагающих общий анализ последствий столкновения традиционного буддизма с современностью, хотелось бы выделить следующие: Almond, Ph.C. (1998) *The British Discovery of Buddhism*. Cambridge: Cambridge University Press и McMahan, D.L. (2008) *The Making of Buddhist Modernism*. Oxford University Press.

2. Среди этих работ наибольшее влияние имеет труд американского исследователя Дональда Лопеса: Lopez, D.S.Jr. (1998) *Prisoners of Shangri–La: Tibetan Buddhism and the West*. Chicago: University of Chicago Press. Следует также отметить работы Stoddard, H. (1985) *Le mendiant de l'Amdo (Recherches sur la Haute Asie)*. Paris: Societe d'ethnographie; Shakya, T. (1999) *The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947*. London: Pimlico; Dreyfus, G. (2005) "Are We Prisoners of Shangrila? Orientalism, Nationalism, and the Study of Tibet", *Journal of the International Association of Tibetan Studies* 1 (October): 1–21; Cabezón, J. (2003) "Buddhism and Science: On the Nature of the Dialogue", in *Buddhism and Science: Breaking New Ground*, ed. B. Alan Wallace, pp. 35–68. New York: Columbia University Press и др. Воздействие идей модерна на монгольскую традиционную сангху описывается в недавно изданной работе King, M.W. (2019) *Ocean of Milk, Ocean of Blood. A Mongolian Monk in the Ruins of the Qing Empire*. Columbia University Press.

После развала СССР и падения социалистического режима в Монголии для исследовательского наблюдения и анализа открылись и традиционно буддийские регионы России и Монголии. Ученые получили возможность в режиме реального времени наблюдать за увлекательным процессом постсоциалистического буддийского возрождения, который, как выясняется, в большей степени характеризуется не столько реставрацией прошлых образцов, сколько конструированием новых практик и институтов.

И все же исследовательских работ по теме, которой посвящен данный выпуск, все еще крайне мало. Тем ценнее те статьи, которые в нем собраны. Они написаны с методологических позиций различных дисциплин: истории, антропологии, социологии и политологии, но все авторы являются исследователями буддийских обществ Внутренней Азии. Главными проблемами, обсуждаемыми в этих работах, являются формы реакций буддийских или, как в случае с алтайским *ак-янгом* (бурханизмом), квази-буддистских традиций, на усиление колонизационных процессов в Сибири и Тибете; подъем национальных движений, основанных на буддийской идентичности; трансформации традиционных буддийских институтов под натиском секуляризации, национализма и глобализации; особенности рецепции буддийских идей в европейских обществах. Анализ всех этих вопросов в представленных статьях показывает удивительную гибкость и адаптивность местных буддийских традиций к стремительно менявшейся социальной, политической и экономической реальности. Доктринальные и институциональные элементы буддизма оказались способными комбинироваться с самыми разнообразными, а зачастую и противоречащими друг другу модернистскими идеями, такими как имперский национализм, антиколониализм и национализм колонизированных групп, научный рационализм, сциентизм, традиционализм и ревайвализм.

В статье Андрея Знаменского мы видим, как алтайская религиозная традиция, возникшая в результате синтеза местных верований и тибето-монгольского буддизма, память о котором сохранилась со времен Джунгарского ханства, реагировала на усилившиеся процессы колонизации и модернизации. Буддизм, ассоциировавшийся у алтайцев с более высокой культурой, выступавшей своего рода альтернативой европейской, становится основой для местного антиколониального движения. Будучи политической религией по своей сути, *ак-янг* представляет собой отнюдь не архаичное, а вполне модернистское явление, своего рода гибрид политической идеологии и религиозного течения. Несмотря

на качественное отличие *ак-янга* от традиционных форм религиозности алтайцев, последователи этого течения отнюдь не позиционировали его как новое современное направление, а, напротив, апеллировали к авторитету подлинной, но забытой традиции. На основе разнообразных источников, в том числе и фольклорного материала, автор статьи дает развернутый анализ существа «белой веры» и ее роли в модернизационных процессах на Алтае.

Нечто подобное мы можем наблюдать и на материале статьи Ирины Гарри, в которой анализируются особенности формирования тибетского национализма первой половины XX века. Политическая традиция в тибетском буддизме, постулировавшая исключительность тибетской модели буддийского правительства и особую связь страны с божественным бодхисаттвой Авалокитешварой, стала платформой для различных тибетских национализмов, направленных против британского и цинского империализма, а позднее гегемонии республиканского Китая. То, что мы видим на примере тибетской истории прошлого века, можно назвать индигенным модернизмом (*indigenous modernity*), выражающим способность культур не просто заимствовать идеи европейского модерна, но и использовать собственные культурные аналоги для продуцирования оригинальных гибридных форм. Из этих реакций формировалось то, что может быть названо «местными национализмами». При этом роль буддизма в этом процессе оказывается чрезвычайно важной. В тибетском случае, например, буддийские лидеры играют важнейшую роль в культивировании национального чувства среди тибетцев.

Тема тесного переплетения религиозной и национальной идентичностей продолжается в работе Рустама Сабирова, посвященной современной буддийской общине Монголии, в которой он противопоставляет национально-ориентированное видение буддизма в этой стране его транснациональной версии, в которой признается духовное лидерство и патронаж тибетских иерархов, особенно Далай-ламы XIV. И то и другое понимание во многом обязано положению буддийской сангхи при социализме в Монгольской народной республике: с одной стороны, внешние связи сангхи жестко контролировались правительством, а с другой стороны, монгольские буддийские функционеры были вовлечены в просоветские международные буддийские структуры. В своей статье автор прорабатывает тему о фактической реставрации в современной Монголии традиционной формы религиозной власти — института Богдо-гэгэнов, «перерождающихся» верховных буддийских иерархов, суще-

ствовавшего во Внешней Монголии до 1925 года. Однако в отличие от оригинальной модели, в которой место Богдо-гэгэнов неизменно занималось этническими тибетцами, а процесс идентификации перерождений находился под контролем империи Цин, в нынешней Монголии институт Богдо-гэгэнов видится властями как центральный символ *национальной* буддийской традиции.

Постсоветское возрождение буддизма в Республике Бурятии, Иркутской области и Забайкальском крае, в которых совокупно локализована самая крупная по численности буддийская община России, стало предметом исследования двух статей выпуска. В обстоятельном анализе социолога Тимура Бадмацыренова и политолога Владимира Родионова на многочисленных примерах прослеживается мысль о том, что «возрождение» традиционной сангхи в постсоветской Бурятии по сути своей является ее изобретением. Постоянно транслируя в общественное пространство идеи о преемственности и святости традиции, Хамбо-лама Аюшеев конструирует сангху на новых принципах взаимоотношений с центрами тибето-монгольского буддизма, местной и центральной властью, стараясь выйти из-под патронажа зарубежных иерархов, продвигая идеологию исторической независимости и самостоятельности буддийской традиции бурят, активно выстраивая локальную сакральную географию, используя национальные чувства бурят и в то же время культивируя в верующих лояльность к российской власти. И хотя на первый взгляд некоторые из этих тенденций наметились еще в дореволюционный период, в современных условиях Хамбо-лама обладает гораздо большей степенью политической самостоятельности внутри страны и может бросать вызов региональным властям, инициируя независимые экономические и культурно-просветительские проекты. Для этой цели представляемая им организация активно задействует каналы воздействия на гражданское общество через социальные сети, усиливает свое влияние на местном уровне через социально ориентированную активность.

Об одной из сторон этой деятельности рассказывает Кристина Йонутите. Предметом рассмотрения в ее статье является проект той же самой Буддийской традиционной сангхи России, во главе с Хамбо-ламой Аюшеевым, по безвозмездному предоставлению овец нуждающимся мирянам-животноводам. Этот проект, получивший название «Социальная отара», рассматривается автором статьи как пример моральной экономики и локальной формы глобального феномена социально вовлеченного буддизма (*socially engaged Buddhism*). Автор считает эту инициативу Хамбо-ламы

способом адаптации местной буддийской общины к современной конфигурации взаимоотношений между гражданским обществом, местными и федеральными властями.

Частью рассматриваемой нами в выпуске проблемы является и активизировавшийся в XIX веке процесс переосмысления буддизма в европейском, а конкретно в российском обществе. Важно помнить, что модернистские идеи и концепции не только воздействовали на традиционные буддийские общины, но и на формы осмысления самих европейских обществ буддизма, его духовного мира, эстетических норм и политического значения. Статья Татьяны Бернюкевич является важной частью данного выпуска, показывая на примере процессов, происходивших в российском обществе в XIX — начале XX века, усилившееся взаимовлияние буддийских общин и русского общества на стыке веков.

Помимо исследовательских статей, мы сочли возможным включить в данный выпуск полевой материал. В интервью, взятом антропологом Эльзой Гучиновой у российской буддистки-калмычки, хорошо отражен личный опыт современной паломницы: ее религиозная этнически унаследованная буддийская идентичность фактически актуализируется и становится значимой в ходе паломничества в Дхарамсалу, центр тибето-монгольского буддизма. Здесь перед нами предстает яркая картина религиозного обращения, где вера в чудо становится главным механизмом индивидуального выбора. Интервью дает богатую почву для размышлений о вариациях современного буддизма. Кто-то увидит в нем прежде всего попытку переосмысления традиционного буддизма, в котором все еще есть место чуду, а ритуальные действия не утеряли полностью своего значения. Для кого-то гораздо важнее окажется то, как в словах паломницы проявляется природа модернизированного буддизма с его упором на выборочную апроприацию тех его элементов, которые соответствуют ценностям современного образованного человека (индивидуализм, психологизм, «научность»).

Мы надеемся, что статьи этого выпуска станут вкладом в буддологические исследования, в первую очередь касающиеся исторических трансформаций общин и институтов буддизма тибето-монгольской традиции. Мы также думаем, что представленная здесь проблематика сложного взаимодействия старой религиозной традиции с (меняющимся) модерном будет интересна и более широкой академической аудитории.

Николай Цыремпилов и Ирина Гарри